

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

ВИКТОРИЯ ПОГРЕБНАЯ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Харьковского национального университета внутренних дел

Современное состояние и проблемы развития социологии как предпосылка создания ее новых отраслевых направлений¹

Наука не является и никогда не будет являться законченной книгой. ... Всякое развитие обнаруживает со временем все новые и более глубокие трудности.

Альберт Эйнштейн

С тех пор, когда О.Конт ввел в научный оборот термин “социология”, ей уже не раз приходилось преодолевать своего рода проблемы “переходного возраста”, связанные и с неоправданно завышенными ожиданиями, и с падением кредита доверия. Будучи еще не признанной академической наукой, социология сразу заявила о себе как об источнике высшего истинного знания, отражающего состояние, условия и перспективы развития общества. В активно-позитивистский период социологии ее родоначальники (Сен-Симон, Конт, Маркс) предложили человечеству нечто вроде религии со своими проектами общественного порядка и социального рая. Однако притязаниям первых социологов, разумеется, не суждено было сбыться. Более того, энтузиазм по поводу создания рационально и научно организованного общества оказался еще и запятнанным результатами практических “опытов” по реализации теоретических разработок в области социологии. Одним из проявлений этого было разочарование в глобальных социальных теориях, которые претендовали на знание путей достижения идеальной организации общества.

Следующая корректировка заключалась в том, что западная академическая социология, став автономной научной дисциплиной, обладающей особы-

---

¹ Продолжение обсуждения проблем, поднятых в журнале “Социология: теория, методы, маркетинг” № 4 за 2009 год.

ми аналитическими средствами, с одной стороны, уже не представляла собой “монолит”, превратившись в совокупность относительно дезинтегрированных, противоречивых и специализированных социальных наук. С другой стороны, произошло самоограничение и “самоограждение” социологии как самостоятельной академической дисциплины. Убеждая себя и других, что она занимается обществом как “целым”, изучением особого рода “целостности”, социология на практике почувствовала себя в роли “остаточной науки”, которая ограничивается анализом тех аспектов разнообразной социальной жизни, которые другие, более “узкие” научные дисциплины, часто просто игнорируют. При этом, как метко подметил в свое время американский “социолог социологии” А.Гоулднер, социологии свойственна удивительная тенденция к амнезии [Гоулднер, 2003: с. 18]. Охватывая весьма разнородные по онтологическим, теоретическим и методологическим ориентациям школы, социология стала наукой, которая постоянно начинает все сначала.

Вместе с тем социологию перестали считать призванием социальных реформаторов и она превратилась в профессиональное занятие для солидной университетской профессуры. Такое развитие вызвало новый всплеск разочарований, а также появление обвинений социологии в реакционности.

Я разделяю мнение американского социолога российского происхождения Н.Тимашефф, полагающего, что, учитывая историю существования, развития и использования социологических знаний, социологию можно условно разделить на имплицитную и эксплицитную. В качестве имплицитной социология уходит корнями в глубокую древность, будучи синкретическим осмыслением социального опыта (как правило, неотделимым от размышлений о государстве и власти) в рамках философии, религии, экономики, политики, права, риторики и т.п. Эксплицитной, то есть ясно осознающей и выражающей себя как особая отрасль научно-практической деятельности, часть научного знания, научная дисциплина, социология стала только во второй половине XIX века [Timasheff, 1967: p. 29–30]. Поэтому, если продолжить его рассуждения, можно предположить, что одним из главных факторов, способствовавших трансформации социологии из имплицитной в эксплицитную (что проявилось и в признании ее академического статуса), является осознание властными структурами усиления роли и значения гражданского общества, в частности для существования самой государственной власти.

Стремление к власти, удержанию ее в контексте современного мира требует, с одной стороны, оценки реально сложившейся социальной картины, анализа настроений, преобладающих в определенных социальных группах и социуме в целом. С другой стороны, существует потребность в идеологическом влиянии на социальную жизнь и общественные группы, а также манипулировании общественным мнением. Все это, естественно, оказывает двоякое влияние на развитие и социологии в целом, и социологической теории.

Кроме того, сегодня наблюдается процесс определенной коммерциализации результатов социологических исследований, активного использования их, например, в политической деятельности, в рекламном бизнесе, для подготовки и управления персоналом, в сферах торговли, услуг и т.п. Неоднозначность влияния этой группы потребителей социологической продукции на развитие социологической теории и на качество ее как научно обоснованного знания также понятно. Наконец, и сами социологи имеют собственные интересы в отстаивании тех или иных теоретических концепций,

которые иногда могут противоречить истине. Причем в этом случае речь идет как о сознательном прислуживании властям или другим политическим силам, так и о настойчивом повторении неосознанно совершенных теоретических ошибок, нежелании их признавать из-за личных амбиций конкретных исследователей.

Следует, по-видимому, принять за аксиому, что абсолютно объективных социологических исследований никогда не было, нет и вряд ли они когда-нибудь появятся. Это влияло и будет влиять на качество эмпирических исследований, теоретических построений и рекомендаций, а главное — на формирование условий поступательного и сбалансированного развития общества. В этой связи уместно подчеркнуть точку зрения Т. Парсонса, которого, кстати, часто обвиняли в реакционности и консерватизме. В свое время он признал, что обеспечение настоящего надежного общественного порядка — дело чрезвычайно проблематичное, поскольку “природа его ненадежности и условия, на которых он существовал и может существовать, неадекватно представлены во всех популярных ныне концепциях общества, независимо от их политической окраски. Сохраняется глубокое отличие между компетентным анализом и научной постановкой этой проблемы, с одной стороны, и ее идеологическим определением, рассчитанным на публику, — с другой” [Парсонс, 1998: с. 259].

Несмотря на сложности во взаимоотношениях власти, науки и общества, нельзя, однако, не отметить тот факт, что реализация высказываемой идеи о превращении социологии в так называемую чистую науку (*pure sociology*) может ее окончательно погубить. Мы получим разработку социологических концепций, предназначенных сугубо для “внутреннего употребления” (другими социологами) с использованием особого “социологического” языка (непонятного для основной массы членов общества), что окончательно отбросит социологию на обочину общественной жизни. Социальное существование и качество социологии как науки оказываются под угрозой и в том случае, когда она превращается в науку, призванную обустроить и “консервировать” сложившийся социальный порядок, и в том случае, когда она замыкается в себе, приобретая форму “чистой” академической корпоративной дисциплины.

Не случайно многие критические выпады в адрес социологии и социологической теории были связаны с тем, что социология, как говорил С. Сайдман, “оторвалась от тех конфликтов и публичных дебатов, которые питали ее в прошлом; обратилась внутрь себя и стала самореферентной”, что “социологическая теория ... производится и потребляется почти исключительно социологическими теоретиками” [Seidman, 1994: p. 121]. Такого рода социологическое теоретизирование, на мой взгляд, часто пытается сформировать интеллектуальные структуры и механизмы понимания, предлагаемые в качестве главных “хранителей” уникальности социума, социальной идентичности. Но при этом наблюдаются попытки отбросить все, что может создавать хоть какие-то “информационные шумы” относительно современного состояния общества. Это теоретизирование претендует и на внутреннюю непротиворечивость получаемых результатов, на открытие социальных закономерностей, осмысление подходов к пониманию социальной жизни, ее назначения и нормативно-правового обеспечения. Однако, как показывает анализ значительной части его результатов, разрывы между теорией и прак-

тикой, весьма характерные для минувших эпох, существуют и сегодня. Вместе с тем напомним, как К.Маркс в “Тезисах о Фейербахе” и в “Немецкой идеологии” говорил о философях, отмечая, что те “просто по-разному объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его”. К сожалению, подобные сравнения и критику сейчас можно услышать и в адрес самой социологии.

В последние десятилетия прошлого века был нарушен негласный обет западных философов, действовавший более 50 лет. Этот обет состоял в удержании философов от рекомендаций по практическим политическим вопросам государственной и общественной жизни. Раньше даже такие влиятельные философы XX века, как Бертран Рассел, если и выступали публично по проблемам войны и мира, семьи и брака, здравоохранения и образования, расовых отношений и т.п., то всегда подчеркивали, что делают это, выходя за рамки своей профессии [The social problems, 1999: p. 287–302]. То есть они позиционировали себя в этом случае не как философов, а как социально активных граждан. Однако уже последователи Рассела начали рассматривать такие острые социальные и политические проблемы, как гендерные отношения, загрязнение окружающей среды, межгосударственные отношения, гонка вооружений и др., определяя их как составные части “прикладной философии” [The social problems, 1999: p. 307, 341]. В итоге в конце XX века сложилась ситуация, напоминая времена вступления социологии в сообщество академических дисциплин. Снова начали поднимать вопросы о ее роли, месте и значении для общества. Возобновились рассуждения о конкретных потребителях научной и идеологической продукции социологов. Дал о себе знать “кризис доверия” и к методологии социологической науки, и к ортодоксальным теориям социальной реальности в их видоизмененной конфигурации, и к различным построениям системно-структурной модели общества как такового.

В частности, сторонники указанной модели подвергаются критике за то, что не смогли в полной мере раскрыть понятие общества как места социального соединения всего необходимого для его существования и развития при существующих культурных, экономических, научно-технических и технологических предпосылках, а также факторах взаимодействия с внешним миром. Более того, критики отмечают отсутствие не просто единой, но и логически непротиворечивой целостной концепции того, как можно теоретически и методологически подходить к такого рода пониманию и объяснению общества. При этом за многими формами социологических умозаключений, претендующих на место теории, вообще не признается статуса понятийного, идейного комплекса, способного истолковать и объяснить такое явление, как общество, пределы его внутренней автономии, парадоксы, аномалии и кажущейся социальной реальности, социальное конструирование реальности. Частично это связано с интенциональным способом такого конструирования, который, по удачному определению его Б.Юдиным, представляет собой “сложную смесь технологических возможностей направленного вмешательства, с одной стороны, и намерений, верований, норм и т.д., которые воплощаются в произвольных и сознательно проектируемых социальных действиях — с другой” [Юдин, 2004: с. 28].

В определенной мере ответом на этот вызов может служить распространение в последнее десятилетие XX века концепции так называемой публич-

ной социологии (public sociology). Ее сторонники выступили за расширение границ социологии как академической дисциплины, включение в разработку новых социологических теорий и практик (http://sociology.berkeley.edu/public_sociology). Главное их требование заключается не столько в изменении или выработке новой методологии получения социологических знаний, сколько в качественно новом стиле и языке социологических текстов, а также в поиске новых форм интеллектуального общения и взаимодействия производителей и потребителей социологической продукции. Авторы этой концепции призывают социологов активнее участвовать в общественной и политической жизни, объясняя и раскрывая цели и задачи (в том числе латентные) набирающих силу социальных движений, общие проблемы формирования и функционирования институтов гражданского общества, специфику имеющихся социальных явлений. При этом выдвигается задача непосредственного участия социологии и социологов в подготовке необходимых изменений в нормативной базе общественной жизни.

Появление и распространение теорий “чистой” и “публичной” социологии можно представлять и как переживание социологией чего-то похожего на “кризис среднего возраста”, и как свидетельство того, что сама концепция социальности продолжает оставаться проблемной. Результатом очередного разочарования в социологии в какой-то мере можно считать новый расцвет так называемой “критической теории”, уходящей корнями в 1930-е годы. Она собрала “под свои знамена” направления социологической мысли, весьма существенно отличные друг от друга по целям и мировоззрению: от реанимируемых версий “урезанного” марксизма до постмодернистских концепций.

Замечу, что сторонники постмодернизма, как правило, вообще отрицают наличие и саму возможность выявления общих законов общественной жизни, социальной эволюции и социального прогнозирования, а значит, и необходимость общей социологической теории. Нередко встречаются и высказывания в том смысле, что понятие социального утратило свою идентичность. Например, один из ярких представителей постмодернистского направления в социологии Ж. Бодрийяр считает, что распространение западной культуры уже не может быть контролируемым со стороны социума, а социальные науки только создают иллюзию бессмертия социальности, идеализируют эту химеру, не замечая трансформации традиционной рациональной социальности общественного договора в “современную социальность контакта, сотканную из множества временных нитей” [Турен, 2004: с. 135].

В процессе анализа таких социологических концепций складывается впечатление, будто имеешь дело с чемоданом с двойным дном — настолько хитро упаковано его содержимое, отражая двойственность установок в мышлении самих теоретиков. Дело в том, что многочисленные попытки выстроить логику нового теоретического явления, приведя в соответствие совокупность выведенных результатов и утверждений с их доказательствами, нельзя признать достаточно успешными. Нередко они заканчиваются либо падением интереса к теоретическим и методологическим проблемам развития социологии, либо формулировками, напоминающими дефиниции чего-то равнозначного общественному чуду, ожидание которого, как правило, связано с ситуацией кризисного существования общества. Одной из причин этого, на мой взгляд, является заполнение социологической теории

то ли не свойственными социологии импликациями, то ли некими языковыми имитациями социологического дискурса.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о том, “можем ли мы по-новому определить сферу социологии или мы должны признать, что ее дни уже сочтены и на смену социологическим должны прийти новые интеллектуальные подходы, подобно тому, как социология заменила философию права и государства или частично заняла их место” [Турен, 2004: с. 13], большинство социологов настроены оптимистично. По их мнению, для отстаивания столь радикального вывода, как “смерть социологии”, приверженцам постмодернизма следовало бы выдвинуть более конкретные и обоснованные аргументы. Не случайно сегодня с повестки дня не снята задача, связанная с формированием внутренне непротиворечивой социологической теории, способной обоснованно претендовать если не на целостность познания общества, то на открытие базовых социальных законов (как детерминистских, так и стохастических) и определять основные тенденции его видоизменений [Социология, 1997: с. 68–72].

Кроме того, несмотря на широкое распространение пессимистических настроений относительно понятия социальности, а значит, и социологии как таковой, потребность в формировании, согласно точному выражению В.Мартыненко, социологического “пейзажа” с тончайшими нюансами живописания общества отнюдь не исчезла и признается сторонниками постмодернизма. Другое дело, продолжает он, что в современной социологии этот “пейзаж” далеко не всегда бывает внутренне проработанным как по форме и рисунку, так и по композиции и цвету. Картина всегда получается непривлекательной, когда социологи забывают, что человек представляет собой, так сказать, живой цвет в любом социологическом пейзаже. Нужно только не сводить социологию к антропологии, помня о том, что “путь” социологии проходит на общей границе, связывающей индивидуальное и социальное [Мартыненко, 2008: с. 49].

Продолжая указанную аналогию, замечу, что сложные взаимозависимости между “цветом и рисунком” могут приносить как гармонию, так и какофонию возможностей современной “социологической живописи”. Перефразируя Сезана, который говорил: “если цвет гармоничный, то рисунок — точный”, можно сказать: если социология как наука не уделяет должного внимания цветной гамме общества, она утрачивает способность отражать его адекватную картину. Безусловно, что-то будет изображено, однако социальное целое при этом будет выглядеть либо искаженным, либо размытым до неузнаваемости. С этой точки зрения для социологов (каких бы концепций они ни придерживались) всегда важно “ощущать цвет”, исходящий от социального источника, а не просто “набивать руку” на технике социального рисунка, графики.

Действительно, в какой-то степени общество можно сравнить с пестрым материалом, историческая протяженность которого постоянно увеличивается, чего нельзя сказать о качестве его понимания. Под “качеством понимания” в этом случае я имею в виду нечто, напоминающее такое явление, как голография. Известно, что волна любой природы имеет, по крайней мере, три явных параметра: амплитуду, частоту и фазу. Если мы умеем отражать только амплитуду, на фотографии будет черно-белый плоскостной рисунок. Если мы научились отражать и частоту волны, получим цветное фото. В последнее

время люди благодаря лазеру научились отражать еще и фазу (для этого объект снимают в лазерном освещении). Но чтобы получить объемное изображение, мы должны облучить фотографию тем же самым опорным лазерным лучом, который использовали при съемке. Тогда получается голографическое изображение. “Качество понимания” общества как раз и можно сравнить с таким лучом, в условиях освещения которым материал общества становится объемным, понятным и начинает отдавать ту информацию (включая историческую), которая в нем заложена. Этот материал может “ломаться” — любые катаклизмы могут расколоть общество по определенным, иногда даже иррациональным, признакам. При известной кривизне социального пространства возникают своего рода энергетические катаклизмы, некие “черные дыры” в социальном мире или всплески общественной волны, о которых мы можем судить и по косвенным параметрам. Из-за этого общество не всегда готово развиваться, идти по пути прогресса: с любой достигнутой вершины оно может попасть куда угодно — и в “черную дыру”, и в потенциальную яму, и в точку возврата. Описать весь этот спектр возможностей, выстроить своего рода прецедентную теорию общества как раз и призвана современная социология, в частности благодаря созданию новых специальных теорий.

Полагаю, состояние дел в социологии не критично. Как положительный момент отмечу, что современные социологические теории отличаются несколько иной исследовательской перспективой, нежели концепции прошлого, новыми оценками социальной действительности. Они содержат результаты научных дискуссий и дебатов по вопросам, ранее не привлекавшим внимания представителей классической и академической социологии. Ярким примером является, на мой взгляд, обращение к проблеме профессионализма как к социальному феномену.

Безусловно, одним из позитивных моментов в этом смысле является движение к более тесной интеграции социологии с другими гуманитарными (а в некоторых случаях и с естественными) науками. Поэтому не случаен интерес к социологическому исследованию причин, целей и значения барьеров, установившихся между различными научными дисциплинами, снова возникший в последние десятилетия в западной социологии. Авторы таких исследований убедительно доказывают, что тот, кто обосновывает необходимость установления, сохранения или усиления указанных барьеров, как правило, отстаивает вполне конкретные личные или групповые интересы, а аргументация имеет конкретную идеологическую окраску (см.: [Бадью, 2005; Батай, 2004]).

Дает основания рассчитывать на предотвращение процесса девальвации социологии и тот факт, что социологи в значительной мере осознают принципиальную склонность социологических теорий к ошибкам, обману и мифотворчеству; понимают, что любое социологическое знание следует рассматривать не как истину в последней инстанции, а как аппроксимацию к ней. Пожалуй, сегодня можно говорить о том, что завершается стадия развития социологии как “корпоративной науки” и открывается возможность для появления новых социологических (в том числе отраслевых) теорий, которые разрабатываются при более высоком уровне сотрудничества и взаимодействия социологов с представителями других научных дисциплин. Иными словами, проходит время “корпоративной” парадигмы социологического “наукотворчества” и начинается этап разработки качественно но-

вых научных теорий. Убеждение, что социальная теория становится все более весомой, вновь приобретает сторонников [The Task, 1998].

Учитывая сказанное, можно утверждать, что потребность в адекватных социологических теориях, в получении как можно более объективных социологических знаний ныне растет. В значительной мере это обусловлено и тем, что в условиях социально мобильного общества усиливается необходимость как можно чаще действовать на свой страх и риск, то есть ответственно и рационально, а не просто подчиняясь устоявшимся или жестко сформулированным общественным нормам поведения. Такая необходимость, кстати, — явление, во многом закономерное, поскольку лишь в этом случае потенциальные возможности и способности индивида могут быть реализованы наиболее полно. В свою очередь, дальнейшее раскрытие этих способностей и возможностей оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие общества в целом и фактически составляет его суть. Эти обстоятельства, а также общие проблемы социологии и других гуманитарных наук, достаточно рельефно проявившиеся на рубеже двух последних веков в сфере познания человека и общества, как раз и обуславливают важность попыток реализовать комплексный теоретический подход к построению социологии нового типа, которая должна учитывать своеобразие стохастических законов и амбивалентность социально-гуманитарного познания. При этом требует уточнения и теоретического переосмысления взаимодействие структуры социальной статистики и механизмов социальной динамики, что вызывает необходимость переосмысления существующих социологических парадигм и дальнейшего поиска и разработки новых парадигм и отраслевых социологических теорий.

Сегодня существует немало концепций социологического видения, интерпретации и прогнозирования социальной действительности, которые не в полной мере вписываются в устоявшиеся рамки социологических парадигм и порой выделяются как самостоятельные тенденции развития современной социологической мысли. К ним относятся концепции П.Бурдьё, И.Валлерстайна, Э.Гидденса, М.Фуко, Ю.Хабермаса и некоторых других социологов. В то же время именно их существование заставляет в какой-то мере согласиться с мнением американского социолога Дж.Тернера, полагающего, что “многое из того, что именуется социологической теорией, в действительности представляет собой непрочную связь подразумеваемых допущений, неадекватно определенных понятий и нескольких неясных и логически не связанных предложений. С точки зрения перспектив идеальной научной теории, социологическому теоретизированию предстоит еще пройти немалый путь” [Тернер, 1985: с. 36–37].

Этот тезис разделяет и поддерживает российский социолог В.Мартыненко, который не без иронии перечисляет нынешние основные направления или отрасли социологии: “астросоциология, социология архитектуры, социология времени, социология государства и права, военная социология, социология детства, социология досуга, социология знаний, социология иммиграции, социология истории, социология катастроф, социология культуры, социолингвистика и социология языка, социология материнства, социология межличностных отношений, социология медицины, социология наказания, социология научных разработок и новых технологий, социология образования, социология окружающей среды, социология отцовства,

социология пожилого возраста, социология политики, социология производственных отношений и социология труда, социология расовых и этнических отношений, социология религии, социология сексуальных отношений, социология семьи, социология СМИ, социология спорта, социология тела, социология терроризма, социология экономического развития и т.д.” [Мартыненко, 2008: с. 73].

Однако я считаю, что такое деление социологии на все большее число направлений в первую очередь отражает ее тесную связь с интересами общества, зависимость от происходящих в нем изменений. Поэтому, на мой взгляд, вряд ли полностью правомерна позиция, согласно которой такое активное развитие социологии “вширь”, как и отсутствие “доминирующего теоретического подхода” к анализу социального мира, во многом являются искусственными. Дело в том, что столкновение теоретических подходов и направлений, которые не столько соперничают между собой, сколько дополняют друг друга, является одновременно выражением жизнеспособности социологии, поскольку “спасает ее от догматизма” [Тернер, 1985: с. 41]. Кроме того, не вызывает сомнения необходимость постоянной “ревизии” социологии, как и любой другой науки, во избежание распространения своего рода интеллектуального терроризма и предвзятости.

Учитывая это, отдельного упоминания заслуживает еще ряд положений постмодернизма. Активное распространение различных постмодернистских направлений, отрицающих саму возможность и необходимость общей социальной теории, конечно, можно считать одним из проявлений кризиса, но не социологии в целом, а устоявшихся стереотипов социологического мышления.

В общем постмодернизму достаточно трудно дать точное научное определение и оценку, поскольку он охватывает разнообразные по своим целям и значению направления и ответвления критической научной мысли. Возможно, именно поэтому известный представитель постмодернизма, польско-британский социолог З. Бауман, сохраняя свои взгляды и убеждения, на пороге третьего тысячелетия открестился от самого термина “постмодернизм” (см.: [New Horizons, 2001: p. 29–30]).

В современной научной литературе можно встретить разные и часто пренебрежительные характеристики постмодернизма и его последователей. Например, “теория, отрицающая теорию”, “поколение, одурманенное телевизионными программами, заблудившееся в информационных сетях и потерявшее способность системного и аналитического мышления”, “комбинация нарциссизма и нигилизма”, “обычная форма манерности и вычурности в суждениях” [Юдин, 2005: с. 37, 69, 76, 81] и др. В определенной мере можно согласиться в отношении чего-то общего у постмодернистов и софистов, но в основном эти сравнения и характеристики относятся не к научным дефинициям, а к разряду определений из популярного в свое время в СССР анекдотического цикла “вопросов и ответов армянского радио”. Напомню одно из характерных: “Какая разница между ЦК и ЧК? — В ЦК цыкают, а в ЧК чикают”. Вообще любые односторонние сравнения и характеристики в науке грешат тем, что приводят к тому, что “с водой выплескивают и ребенка”. Во многих концепциях, которые на первый взгляд вызывают неприятие, при более внимательном анализе можно рассмотреть рациональное зерно. В этой связи уместно еще раз процитировать “социолога социоло-

гии” А. Гоулднера: “Самые непоколебимые критики интеллектуального истеблишмента, те, кто не может найти удовлетворение в нем и в его рамках, это обычно те, кто ценят не сокровища из его сундука, а другие, совсем иные достижения. Обычно этого достигают люди с живым чувством истории, которые рассматривают себя как исторических деятелей и продолжателей давней общественной и интеллектуальной традиции. В действительности вознаграждения, к которым они стремятся, не могут дать им их современники. Поэтому они менее поддаются недостаткам и соблазнам настоящего” [Гоулднер, 2003: с. 40–41].

Для появления и распространения постмодернистских течений существовали и существуют вполне объективные предпосылки: неприятие идеологической составляющей былых социальных теорий, процесс “подавления” социологии политическими технологиями, необходимость более внимательного эмпирического анализа и изучения отдельных новых явлений в разных сферах социальной жизни, изменений в состоянии социума в условиях нарастания глобализационных процессов и проблем. Социология постмодернизма в лице ее выдающихся представителей во многом выросла из осознания наличия своего рода генетических пороков у всех социальных теорий, которые претендовали на знание путей рационализации и улучшения общественной жизни. Эти пороки, по их мнению, вели к появлению тоталитарной идеологии государств и таких негативных социально-политических явлений, как голокост и геноцид [Девятко, 2000: с. 327–329]. Отрицать наличие в этом видении рационального резона было бы неразумно. Другое дело, что предлагаемая постмодернистами форма преодоления негативных явлений в социологии и в обществе в целом путем отказа от самой идеи разработки полноценной социологической теории вызывает некоторое недоумение.

Трудно согласиться и с такими, по сути, идеологическими установками, как утверждение, что разработка и обсуждение новых парадигм социальной теории — это попытка найти средства, чтобы запутать дело, подменить практические шаги на пути решения политических и экономических проблем некими абстрактными разговорами, наконец, форма эскапизма. На мой взгляд, те, кто считает, что можно пренебречь задачей разработки как новой общей социологической теории, так и специальных социологических теорий, глубоко ошибаются. Поэтому и было предложено социологическому сообществу исследование социологии профессионализма как ее новой отрасли (см.: [Погрібна, 2008]).

Делая подобное предложение, мы четко осознаем, что для “рождения” новой отрасли социологии необходимы доказательства (1) *целесообразности* ее научного оформления и (2) *возможности* категориально-методологического упорядочения.

Целесообразность выделения социологии профессионализма как отдельной отрасли объясняется следующими обстоятельствами. Первое — наличие социальной проблемы и, соответственно, общественной потребности в ее решении. Сегодня сформировалась проблемная ситуация, связанная с тем, что специфика развития украинского общества характеризуется наличием одной очень опасной тенденции: в периоды стабилизации на передний план выдвигается требование профессионализма в деятельности основных социальных институтов, а в кризисные моменты развития место профессионализма уверенно занимает то, что обычно называют “политической це-

лесообразностью”. В итоге имеем “господство непрофессионализма”, ведущее к огромным потерям в становлении гражданского общества, провоцирующее напряженность в функционировании всех социальных сфер. При этом объективно все понимают значение профессионализма для общества, но сегодня не существует четких механизмов формирования его социальной востребованности, которые сделали бы профессионализм устойчивым показателем прогрессивного развития социума. В реализацию этой задачи могут внести свой вклад представители многих социальных и гуманитарных наук, однако главная роль должна принадлежать социологам, поскольку именно они “ставят диагноз” и выписывают “рецепт” для “лечения” этой “социальной болезни”, возникшей в обществе.

Второе обстоятельство, которое продуцирует целесообразность выделения социологии профессионализма как новой отрасли, — это отсутствие в рамках уже имеющихся отраслевых теорий способов решения сложившейся социальной проблемы. Считаю, что традиционные отраслевые социологические теории (такие как социология профессий, личности, труда, образования, экономическая социология), хоть и близки по своему предметному полю к социологии профессионализма, не имеют необходимого арсенала возможностей осуществления системного комплексного анализа профессионализма как социального феномена, его концептуализации.

Что касается **возможности** формирования социологии профессионализма как нового отраслевого направления социологической науки, то она, на мой взгляд, также обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, как известно, ценность любого социологического исследования определяется не только тем, насколько адекватно оно отражает те или иные закономерности социальных процессов, но и тем, в какой мере оно завершается научно обоснованными прогнозами и рекомендациями, направленными на осуществление социальных изменений в конкретной ситуации. Такие исследования, развивающиеся в тесной связи с соответствующими социологическими теориями, обеспечивают увеличение знания о действительности благодаря выявлению новых фактов и тенденций изменений определенных сфер жизни общества. Это является необходимой предпосылкой для понимания и объяснения социального развития в целом. Именно поэтому, по моему убеждению, одну из характерных особенностей современного социологического мышления составляет выявление возможных точек роста социологической теории. И одной из таких точек роста я считаю концептуализацию феномена профессионализма в рамках новой отрасли социологии.

Во-вторых, формально социология профессионализма отвечает основным требованиям к отраслевой социологии, а именно, с одной стороны, конструируется в пределах общей социологической теории, а с другой — может достичь определенной автономии, сформировать собственный объект и предмет исследования, создать понятийный аппарат, ставить специфические задачи, иметь особые функции и проблемное поле.

Следовательно, полагаю, есть все основания для методологического оформления новой отрасли социологии, что будет весьма полезным для дальнейшего развития отечественной социологической науки. Вместе с тем я хорошо понимаю, что считать свое мнение истиной в последней инстанции — признак ограниченности, поэтому предлагаю ее на рассмотрение заинтересованному сообществу и призываю к научной дискуссии, поскольку,

как сказал Геродот: “Если не высказаны противоположные суждения, то не из чего выбирать лучшее”.

Р.С. Данная статья не рассматривается мною как ответ профессору Яковенко на его рецензию на монографию “Социология профессионализма”. Я ценю и уважаю мнение ученого и понимаю, что оно может не совпадать с моей позицией. Подчеркиваю, в статье представлен *авторский* взгляд на проблемы и перспективы развития социологической науки, возможности расширения семьи ее отраслевых направлений. Уверена, что *корректная* научная дискуссия всегда несет только позитивный заряд, и благодарю редакционную коллегию журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” за предоставленную авторам возможность публично высказывать и отстаивать свои суждения.

Литература

Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины / Бадью А. // Социология под вопросом. — М., 2005. — С. 28–41.

Батай Ж. Сакральная социология и отношения между “обществом”, “организмом” и “существом” / Ж. Батай, Р. Кайуа // Колледж социологии. — СПб., 2004. — С. 54–59.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Бодрийяр Ж. — М.: Новое изд-во, 2000. — 258 с.

Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии / Гоулднер А.У. — СПб.: Наука, 2003. — 437 с.

Девятко И.Ф. Критика старых и поиск новых моделей объяснения в посткризисной социологической теории. Т. 4 / Девятко И.Ф. // История теоретической социологии: в 4 т. — СПб., 2000. — 407 с.

Мартыненко В.В. Социальная эпистемология и политика / Мартыненко В.В. — М.: Издат. дом “Академия”, 2008. — 272 с.

Парсонс Т. Система современных обществ / Парсонс Т. — М.: Аспект-Пресс, 1998. — 367 с.

Погрібна В.Л. Соціологія професіоналізму: [монографія] / Погрібна В.Л. — К.: Алеута: КНТ: ЦУЛ, 2008. — 336 с.

Социология: парадигмы и темы: курс лекций. — М.: МГИМО-Университет, 1997. — 368 с.

Тернер Дж. Структура социологической теории / Тернер Дж. — М.: Прогресс, 1985. — 618 с.

Турен А. Социология без общества / А. Турен // СОЦИС. — 2004. — № 7. — С. 5–17.

Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем / Б.Г. Юдин // Вопросы философии. — 2004. — № 2. — С. 25–31.

New horizons in sociological theory and research: The frontiers of sociology at the beginning of twenty-first century / ed. by L. Tomasi. — Burlington, VT: Ashgate Pub., 2001.

The social problems of XX century in the texts and essays of philosophies / ed. by L.J. Ray. — Aldershot: Edward Elgar, 1999.

The Task of Social Theory (editorial) // European Journal of Social Theory. — 1998. — Vol. 1, № 1. — P. 127–135.

Timasheff N.G. Sociological theory / Timasheff N.G. — N.Y., 1967.

Seidman S. The End of Sociological Theory / Seidman S. // The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory. — Cambridge: CUP, 1994. — P. 119–125.